

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.1>

Демченко Александр Иванович

[Тысячелетие назад. Подвиг Фирдоуси](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/1.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 5-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

In memoriam

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.1>

Демченко Александр Иванович, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

Тысячелетие назад. Подвиг Фирдоуси

Абулькасим **Фирдоуси** (~940 – ~1020) – поэт (Иран). И сразу же требуются оговорки. Фирдоуси (Райский) – псевдоним, а настоящее полное имя: Хаким Абулькасим (Абу-ль-Касим) Хасан Фирдоуси Туси. Помимо только что приведённой встречаются и другие датировки жизни: 940-1025, между 932 и 941 – между 1020 и 1026, 934 или 941 – ~1020. Наконец, при формальной принадлежности Ирану Фирдоуси на равных правах считается персидским и таджикским поэтом (стоит напомнить, что вплоть до XVI века в состав Ирана входили земли, на которых жили предки современных таджиков и персов).

Поэту приписывают лирические стихи и поэму на библейско-коранический сюжет «Юсуф и Зулейха», но их принадлежность Фирдоуси маловероятна. Поэтому рамки рассмотрения его творческого наследия правомерно ограничиваются единственным произведением – это всемирно известная поэма «Шахнамэ» (распространено и написание «Шах-наме», а также встречается «Шах-намэ»).

Обозначение *поэма* в данном случае более чем условно, поскольку она колоссальна по объёму (более 100 тысяч строк, что в современном русском издании составляет содержание девяти томов), который намного превышает «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятые. Поэтому «Шахнамэ» – поистине монументальная эпопея, основные разделы которой естественно именовать книгами.

Создавалась она с 976 по 1010 год: её первая редакция была закончена в 994, вторая – в 1010 или 1011-м, превышая первую почти вдвое (позднее поэт вносил в неё некоторые изменения).

«Шахнамэ» («Книга о царях», то есть о шахах) – общее название прозаических и стихотворных сводов мифов и исторических хроник иранских народов. По некоторым сведениям, подобные своды начали составлять ещё в III-VI веках и ранее IX столетия появилась книга «Хватай-намак» (пехлевийское «Книга о царях»), дошедшая в изложении на арабском и других языках. Она легла в основу различных «Шахнамэ».

Импульсом к созданию таких сводов на фарси (основной язык персов, официальный язык Ирана) послужило то, что в период господства Саманидов (887-999, не путать с династией Сасанидов, иранские шахи в 224-651) возродился интерес к иранской старине, в том числе собирались легенды и предания о богатырях и царях, живших до арабского нашествия.

Есть свидетельства о четырёх не дошедших до нас произведениях:

- «Шахнамэ» Абу-ль-Муайяда Балхи (963);
- «Шахнамэ» Абу Али Мухаммада ибн Ахмада Балхи (~960-е годы);
- «Шахнамэ» Масуд-и Марвази (составлена ранее 966);
- «Мансурова Шахнамэ», посвящённая шаху Мансуру (закончена в 957).

Одним из авторов последнего из названных сводов был Дакики (Абу Мансур Мухаммед ибн Ахмед Дакики, умер около 977). К концу жизни он приступил к созданию стихотворной «Шахнамэ», но неожиданная гибель прервала его работу, и написанные им 998 бейтов (двустихий) Фирдоуси включил в свою эпопею.

Его «Шахнамэ» представляет собой поэтическую обработку иранских эпических сказаний (дастанов), и в своём своде он постоянно с благодарностью упоминает, что услышал их от кого-либо из дихкан (*дихкан* – представитель знати средневекового Ирана, не путать с названием *дехканин*, что означает *крестьянин*). Будучи величайшим знатоком и страстным поклонником родного фольклора, Фирдоуси творчески переработал его богатства, что вылилось в грандиозную по охвату и законченную в своей логической последовательности систему единого литературного повествования.

Оно явилось для истории жанра «Шахнамэ» не только итогом, но и вознесло данный тип литературного творчества на недостижимую высоту во всех отношениях, в том числе по мастерству воплощения двух магистральных идей: картина мироздания и воинский эпос.

* * *

Как и какой складывается у Фирдоуси **картина мироздания**? На её воссоздание нацелена уже сама по себе структура его «Шахнамэ» со свойственной ей необъятной ретроспективой тысячелетий, уходящей

вглубь до начала времён. Эпопею составляют три части: мифологическая (о легендарных царях), богатырская (преимущественно о подвигах Рустама) и историческая (о реальных царях первых веков н.э.).

Формально композиция поэмы соответствует периодам царствования пятидесяти легендарных и исторических шахов Ирана. Причём, как правило, речь идёт о тех, титул которых не просто *шах* (перс. *повелитель, государь*), а *шаханиах* (*царь царей*, в обычном написании – *шахиншах*).

Содержание первой части составили древние мифы и космогонические представления, отчасти известные по «Авесте» (собрание священных книг зороастризма), а также предания о династии Кеянидов.

Повествование открывается рассказом о сотворении мира и сотворении человека. А далее на арене истории появляется Каюмарс, который первым заявил «*Я властитель*» и «*первый на своё чело // Надел венец*». При нём были узаконены исходные государственные установления, людей «*он шукурами звериными одел*», их «*научил готовить пищу*».

Всё было замечательно, но объявился Ахриман – враг человеческий, собравший вокруг себя волчью стаю злых дивов. В битве «*с исчадьем адских сил*» погиб сын Каюмарса, но победил злодея его сын Хушанг, внук Каюмарса. Началось царствование Хушанга, затем его сына Тахмураса и впоследствии его внука Джамшида.

Каждый из этих царей что-то делал для вразумления людей:

- Хушанг впервые добыл огонь, обучил людей кузнечному делу, научил их орошать поля и возделывать земли;
- Тахмурасу удалось обуздать многие из бесовских полчищ, освоить письмо на тридцати языках, включая персидский, арабский, греческий и китайский;
- Джамшид научил людей изготавливать оружие, прясть и шить одежду, делать кирпич и возводить дома, врачевать больных.

*Так триста лет прошло за веком век.
Не знал в то время смерти человек,
Не знал нужды, не ссорились друг с другом.*

То есть рисуется «золотой век», который мог бы длиться и длиться, но возгордился Джамшид, полагая, что именно он устроил мир таким, и Бог лишил людей своей благодати.

С этого начинается последующая, «бренная» история многих поколений. Огромная по объёму и легендарная по своей сути богатырская часть «Шахнаме» завершается гибелью её главного героя – Рустама.

Затем следует историческая часть эпопеи, в которой после книги «Искандар» (посвящена Александру Македонскому) описываются в основном времена династии Сасанидов.

Завершающая книга поэмы – «Нашествие арабов», где данное событие обрисовано не просто с непереносимой горечью, но как некий национальный апокалипсис, когда всё в жизни страны было подвергнуто разрушению и воцарилось кромешное зло. В преддверии этого крушения одному из славных сынов Ирана предстаёт пророческое видение.

*В презренье будут верность, справедливость,
Возвысятся ущербность, зло и лживость.*

*Рвать будут друг у друга, расхищать...
На всё падёт проклятия печать.*

*Всеобщей злобой души развратятся,
И, как гранит, сердца ожесточатся.*

*Замыслил злое сын отцу, а тот
Сам против сына козни возведёт.*

*Не слышно будет праздников нигде,
Лишь козни будут строиться везде.*

Таким образом, складывается гигантская панорама национального бытия: от незапамятной мифической древности до конкретно-исторических реалий VII века н.э. И собрание неисчислимого множества полуфантастических преданий и правдоподобных легенд, стихотворных летописей и лирических поэм, назидательных сказов и философских раздумий образует единственный в своём роде эпический синтез – единственный по всеохватывающей универсальности и внутренней цельности.

* * *

Одна из определяющих идей, пронизывающих эпопею Фирдоуси, состоит в художественном исследовании царящей в мире нескончаемой битвы добра и зла. В этом поэт опирался на издавна укоренившийся в сознании персов дуализм противостоящих начал, олицетворяемых Ахурамаздой, верховным божеством Добра, и его извечным врагом Ахриманом, верховным божеством Зла.

Праведные люди выступают в иранской мифологии как представители Ахурамазды, а всё несправедное (в том числе нечистая сила) является порождением Ахримана. Человека поддерживает то, что верх в конечном счёте должен одержать Ахурамазда.

Фирдоуси претворяет этот базисный закон мироздания с достаточной диалектичностью. Да, у него есть персонажи, которых можно считать эталонами добра или зла. Однако много чаще его герои едва ли не в равной мере способны быть вершителями блага и в то же время склоняться к несправедным помышлениям.

Подобную диалектику поэт самым тщательным образом рассматривает на примерах правления различных властителей. Многократно показывая неприглядное обличье тех, кто правил несправедливо и во вред интересам страны, он всеми силами стремится раскрыть представления о лучших из лучших.

В качестве высшего образца приводится герой книги «Ардашир Бабака́н», о котором говорится: *«Таким да будет каждый государь, // Каким был Ардашир великий встарь!»*. Передавая сыну власть, Ардашир заветует ему этические предписания безупречного властелина.

*«Три червотчины в престоле есть:
Злой царь, его насилие и месть.*

*Умей в делах правленья беспокойных
От недостойных отличать достойных.*

*Для добрых дел сокровищ не жалеи;
Они стране – как влага для полей.*

*Всегда старайся гнев свой потушить.
Прости вину, где можешь ты простить.*

*Будь мудр и сдержан, шах, ко всем и всюду,
Доброжелателен к простому люду.*

*Будь милостивым, щедрым, справедливым –
И назовут тебя царём счастливым».*

В книге о прекрасном царевиче-богатыре Сиявүше рассказывается об одном из славных дел его рук. Построенный им город – воплощение мечты поэта об идеальном жизнеустройстве, которому непременно сопутствует чувство красоты.

*Весь мир пройдёшь, на землю поглядишь
Все царства и края затмил Гангдиж!*

*Тот город Сиявуша был твореньем,
Над каждым потрудился он строеньем.*

*Обширный город за стеной возник.
Куда ни глянь – дворец, чертог, цветник,*

*Горячие купальни, водопады,
Везде веселье, яркие наряды;*

*Не зноен зной, не холоден там холод,
То – счастья город, изобилья город.*

*Там ни больных не встретишь, ни калек,
Там райский сад, там счастлив человек!*

Приводя описания различных царствований, поэт-гуманист подталкивает читателя к выводу, что высшим законом для страны и высшим Добром должно являться благо народа.

Так, рассказ о земле брахманов ведётся под углом зрения обрисованной здесь социальной утопии – всё сводится к тому, заботится ли царь о благополучии своих подданных, дорожит ли их счастьем и довольством или он алчен и себялюбив. Вновь и вновь настоятельно проводится мысль: если властелин справедлив, в стране царит благополучие, в противном случае, её постигают бедствия.

В только что упомянутой книге шах Ардашир подытоживает свои раздумья, обращённые к сыну-наследнику, восклицанием: *«Не угнетай народ! Хвалимый всеми, // Ты победишь забвение и время»*. Иначе следствием несправедного правления могут стать не только людские несчастья и всеобщее недовольство властью, но и открытые выступления против неё.

И автор очень сочувственно описывает подобные выступления, утверждая обоснованность тираноборчества. Своеобразной аркой в эпопее становятся повествования о двух народных восстаниях: одно, из легендарных времён, в начальных книгах; второе, исторически документированное – в завершающих книгах.

Первое из них («Сказ о Кава-кузнецце») в передаче Фирдоуси чрезвычайно примечательно в двух отношениях. Во-первых, здесь с особой силой воссозданы образы простых людей, способных на высокие чувства и на подвиг во имя справедливости и человеческого достоинства. И, во-вторых, проводится мысль о возможности успешного исхода подобного выступления народных масс. К тому же отмечается и тот факт, что в мире зла порой достаточно найти храбрецу, который отважится бросить клич свободы, и люди пойдут за ним против ненавистного владыки.

Кава, бесстрашно высказав царю, который был *«подобьем змея»*, всё, о чём тайком думали другие (*«Горе – наш удел»*), выходит на городскую площадь, призывая простолюдинов *«сбросить змея тяжкий гнёт»*

и возвести на царство благочестивого Фаридуна. Вздёрнутый на копье кожаный фартук кузнеца становится знаменем восставших и с тех пор, украшенный драгоценностями, является атрибутом иранских правителей (оно в «Шахнаме» впоследствии упоминается не раз).

Второе из названных восстаний действительно произошло в начале VI века н.э., и оно потрясло основы Сасанидского государства. Соответствующая книга («Маздак») названа по имени предводителя этого народного движения, который выдвинул идею отрицания богатства и крупной собственности как главного зла в мире и ратовал за всеобщее социальное равенство. Надо ли говорить о смелости Фирдоуси, в одном из оплотов восточной деспотии воспевавшего пусть утопические, но столь радикальные помыслы.

* * *

Наблюдая перипетии человеческого бытия, Фирдоуси склоняется к выводу о том, что многое, если едва ли не всё, в подлунном мире предопределено. Поэт допускает, что этим можно пользоваться и как оправданием чего угодно из того, что делает человек.

Уже упоминался находящийся в соседней Индии утопический край брахманов, которые сознательно живут в бедности, питаются плодами земли, не убивают живности и не ведут войн. Всемогуший Александр Македонский (книга «Искандар») приходит к ним не для завоевания, а чтобы познать мудрость жизни.

Они говорят ему о тщете всего сущего и порицают его за притязания посредством войн стать властелином мира. Искандар соглашается с тем, что всё бrenно на земле, но уверяет собеседников: за его действиями стоит воля высших сил, и ему было предопределено поступать так, как он поступал.

*Не мной, а грозной волей провиденья
Убиты были павшие в сраженье.
Они не жертвы моего удара –
Постигла их божественная кара.*

Словно бы следуя народному присловию «*что написано на роду*», Фирдоуси прослеживает целую череду человеческих судеб. Среди них и трагедия лучшего из лучших, с которым злосчастие в лице клеветников справляет своё чёрное дело (книга «Сиявуш»).

Он – сын шаха, «*дивное дитя*». Его измлада отдали на воспитание Рустаму, богатырю из богатырей – «*И стало так, что Сиявишу равных // На свете не было среди самых славных*». Но ещё когда шаху впервые принесли младенца и он, восхищённый, увидел в нём «*вершину бытия*», тогда же «*звёзд круговращенье*» напророчило: «*...сына ждёт беда, // Увы, омрачена его звезда*».

Первая беда грянула оттого, что мачеха повзрослевшего Сиявиша влюбилась и возжелала его. Но благонравный царевич не позволил себе опорочить отца, и она оклеветала его перед шахом (к слову, мотив отвергнутого чувства женщины и подлое мщение за это – как мы знаем, распространённый сюжет мировой литературы, начиная с ветхозаветного Иосифа Прекрасного).

Дальше следует цепь злоключений с аналогичным алгоритмом: после очередного тяжёлого испытания на следующем витке жизни у Сиявиша поначалу всё складывается наилучшим образом, что так соответствует его достоинствам – богатырской мощи, добродетельной душе, благородству и красоте. Но затем обязательно находится завистник, которому удаётся оклеветать невинного. И дело заканчивается тем, что Сиявиш погибает от козней злодеев.

Слабый свет надежды на торжество справедливости состоит только в том, что за его смерть долгое время спустя смог отомстить сын, вступивший на престол Ирана. Тем не менее, книга о Сиявише буквально вопиет: до чего же подчас ненасытна судьба в своей жестокости к человеку! И поэт многократно напоминает о непостижимом своенравии Фортуны, бросая ей горькие упрёки.

*О, свод небесный, в чём твой жалкий дар?
Показываешь фокусы, фигляр!*

*То мечешь стрелы, то грозись кинжалом,
То – вихрями, то – градом небывальм,*

*То – подлостью, а то, в тяжёлый час,
Ты от опасности спасаешь нас.*

*Даришь престол и царскую столицу,
А то – позор, и горе, и темницу.*

*Мы на земле страдаем без вины –
Такую жизнь оплакать мы должны.*

*Что сердце, разум, чести голос гневный?
Постель из праха – вот итог плачевный!..*

* * *

Печальную тираду «*Постель из праха – вот итог плачевный!..*» Фирдоуси подтверждает соображением о суровой неизбежности конца любой единичной жизни.

*Когда палящий вихрь пески взметаёт
И плод незрелый на землю собьёт, –
Он прав или не прав в своём деянье?
Зло иль добро – его именованье?
Ты правый суд зовёшь, но где же он?
Что – беззаконье, если **смерть** – закон?*

«Смерть – закон», и эта непререкаемая истина ввергает автора в безудержную скорбь весьма пессимистического наклонения.

*Никто не вечен. Хоть живи сто лет,
Всяк осуждён покинуть этот свет.
И будь то воин или шах Ирана,
Мы – дичь неисследимого аркана.
Наступит время, всех нас уведут
На некий Страшный и безвестный суд.
Длинна иль коротка дорога наша –
Для всех равно – дана нам смерти чаша.
Как поразмыслить, то сейчас навзрыд
Оплакать всех живущих надлежит!*

Вновь и вновь поэт возвращается к мысли о тщете земной жизни и неизбежном уделе всех людей, призывая в качестве средства облегчения проникнуться равнодушием к соблазнам жизни, чтобы не оказаться в путах привычных привязанностей (это в чём-то сродни рецептам буддизма).

*Беги, живущий, суеты мирской,
Не прилепляйся к миру всей душой!

Кто б ни был ты – подённый или царь –
Уйдёшь, а мир останется, как встарь.

Пусть твой венец к Плеядам вознесётся,
Собрать пожитки всё ж тебе придётся.

Будь ты престолюдин иль шаханшах,
Пристанище твоё в грядущем – прах.*

И всё-таки, в очередной раз перечислив самых сильных мира сего, обратившихся в прах, поэт-гуманист утверждает: отнюдь не всё на земле превращается в ничто – остаётся память о тех, кто творил добрые дела (здесь встретится понятие *фарр*, означающее божественную благодать, осеняющую в виде нимба носителей верховной власти; *пахлаван* – главнокомандующий).

*Куда ушли мужи в коронах звёздных?
Где фарр и счастье властелинов грозных?

Где полководцы, пахлаваны-львы?
Где кости их? Где гордые главы?

Их изголовье – прах, зола и камень.
Но славу добрых не пожрёт и пламень.*

«Славу добрых» Фирдоуси персонализирует весьма конкретно.

*Всё в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.
И солнце и бури – всё выдержит смело
Высокое слово и доброе дело.*

«Лишь дело героя да речь мудреца...». «Дело героя» поэт воспел в многочисленных книгах, составляющих вторую часть «Шахнаме», и об этом богатырском эпосе речь впереди. «Речь мудреца» подразумевает, конечно же, не просто данную человеку от природы способность размышлять, а философскую глубину понимания мира.

К тем, кому ведом подобный полёт мысли, обращено открывающее эпопею «Слово в похвалу разума», где о разуме говорится, что он «из высших даров», данных Богом, и ничего «нет выше, чем разум». В том числе именно такой разум – «венец властелина державного // Краса повелителя славного» и залог подлинной нравственности («И тот, в ком светоч разума горит, // Дурных деяний в мире не свершит»).

В этом гимне разума звучит и «последняя истина», которую отчётливо осознал Фирдоуси и которая так задолго предвосхищала интеллектуально-художественный поиск Гёте: процесс познания бесконечен и у мысли человеческой всегда есть свои пределы.

*Пусть разум твои направляет дела;
Он душу твою не допустит до зла.
По слову изведавших путь избери,
Ходи по вселенной, с людьми говори.
Какую б науку твой ум ни постиг,
Покоя в ученье не знай ни на миг.
Но, ветви увидев, поймёшь всё равно,
Что знанью до корня дойти не дано.*

* * *

Центральная часть «Шахнаме» – это богатырский эпос. Здесь воссоздаётся целая галерея тех, кто обладал необыкновенной силой, отличался чертами яркой личности, был наделён врождённой способностью к подвигу, считал защиту рубежей Ирана своим священным долгом и ввиду всего этого стал легендой родной истории.

Они проявляют чудеса богатырства всевозможным образом (особенно часто в эпизодах охоты), но самое главное в их жизни – битвы и поединки, где они являют свою ратную доблесть и потому соответствующие разделы эпопеи – это прежде всего **воинский эпос**.

Среди обрисованных пером Фирдоуси богатырей разных времён в качестве конкретного примера остановимся вначале на том, которому посвящена книга «Семь подвигов Исфандиара». Сакральное число его деяний восходит к традиции древних сказаний (параллелью этому в «Шахнаме» становится «Семь подвигов Рустама»).

Те, кого призван одолеть *«миродержавный шах»* – разного рода фантастические существа. Как раз этой фантастичностью и отличается данное повествование. Так, касательно первых чудищ героя предупреждают, что ему предстоит встретить *«двух волков, в гневе неужённых, // Как два слона, могучих и огромных. // У них рога растут на лбах крутых, // Слоновым бивням и клокам подобны»*.

Каждый из следующих подвигов всё невообразимее по степени трудности. И всякий раз Исфандиар побеждает либо воинской силой, либо хитростью, раскрывая могучий потенциал своего тела и ума.

Относительно его физической формы можно прочесть следующее: *«Громада плеч его и стана... Многославный владыка с львиным сердцем... ярый в битве слон... Луком, мечом и копьём владеет он беспримерно»*. О многом говорит и его прозвание Руинтан (Бронзовотелый) – так его называли за телесную неуязвимость.

Ему присуще благородство, забота о своём войске. Отправляясь на очередной из семи подвигов, он всегда идёт один, поскольку *«Что ждёт нас – я не знаю... // Я не хочу людей ввергать в беду; // Вы стойте здесь, а я вперёд иду»*.

А ведь в воинстве этом были и богатыри, но герой превосходил всех многократно. Хотя между строк можно почувствовать и некий подтекст: даже подвергая себя смертельной опасности, Исфандиар не желал делить свои победы с кем-либо.

В центре богатырской части «Шахнаме», а по существу и всей эпопеи – величественный образ Рустама (в другой транскрипции – Ростем), само имя которого восходит к старинному слову *богатырь*. Ему посвящена здесь целая серия книг, и его значимость подчёркнута даже драматургической аркой: первая книга центральной части («Заль и Рудабá») рассказывает о рождении Рустама, а её последняя книга («Рустам и Исфандиар») – о его гибели.

Рустам является любимым героем иранских преданий, и его образ ещё до Фирдоуси нашёл отражение в нескольких анонимных поэмах. В восприятии персов этот сказочный богатырь, как неприступная крепость, стоял на страже родной земли на протяжении полутысячелетия (приближаясь к финальной черте своей жизни, он говорит: *«Шесть сотен лет я прожил на земле»*).

У него были славные предки: отец и дед – известные в сказаниях богатыри. Под стать отцу была и его будущая мать, в описании красоты которой автор использует все ресурсы красноречия.

*Есть дева за завесой у царя,
Лицо её сияет, как заря;

Слоновой кости уподоблю тело,
С платаном стан её сравню я смело;

Чернее мускуса – арканы кос,
Запястий кольца – завитки волос;

Цветы граната – две её ланиты,
К плодам граната груди приравни ты!

Сравню глаза с нарциссами в цветку,
Ресницам ворон отдал черноту;

Напоминают брови лук таразский,
Слегка покрытый мускусною краской;

То – мира ненаглядная весна,
Певучая, нарядная весна!*

Среди перлов мудрости, которые попутно с щедростью разбрасывает поэт, есть и касающаяся жизненно важного момента, определённого Божественным промыслом.

*Чету Он создал — жизни торжество:
Потомству не бывать от одного!*

*Четами он все твари сотворил,
Тем самым тайну мира нам открыл.*

*Что со вселенной стало бы и с нами,
Когда бы твари не жили четами!*

*На свете краше витязя не встретим,
Чем тот, кто светится любовью к детям.*

*Когда его последний час придёт,
Он жизнь в потомстве снова обретёт.*

* * *

Итак, сложилась редкостная, великолепная чета двух любящих сердец, и ясновидцы пророчат, что от неё произойдёт невиданное существо.

*От этих двух родится слонотелый,
Могущественный, доблестный и смелый.*

*Он завоеует мир, он вознесёт
Престол царя царей на небосвод,*

*С лица земли сметёт он всех злодеев,
Сровняет землю, недругов развеяв,*

*Надеждою Ирана станет он –
Будь этой доброй вестью озарён!*

Пророчество сбылось, что подтверждается столь характерной для средневекового эпоса гиперболическостью описаний:

- родившись, герой растёт не по дням, а по часам;
- в детстве одним ударом булавы убивает бешеного слона;
- повзрослев, обращает в бегство целое войско;
- и ему постоянно приходится истреблять чудовищных драконов и дэвов (злых духов).

*Поганую голову снёс он мечом.
Кровь злого дракона забила ключом,
Вокруг разливаясь: луг, поле и ров –
Всё разом окутал багровый покров.
И рухнул дракон и долину укрыл
Громадою чёрных раскинутых крыл.*

Тахамтáн (Мощнотелый) – таково почётное прозвание богатыря, и его сверхчеловеческая сила, его исключительная воинская доблесть неизменно служат благу страны. В том числе, забыв нанесённые ему обиды и оскорбления, он всегда приходит на помощь незадачливому шаху, поскольку видит в надёжности трона гарантию единства и целостности Ирана.

С наибольшей рельефностью многогранный, драматически сложный образ героя-патриота предстаёт в книге «Рустам и Сухраб». И если «Шахнаме» является вершиной героического эпоса в фарсиязычной поэзии, то вершиной этой вершины можно считать данную книгу. Вот что побуждает остановиться на ней подробнее – тем более, что по своей художественной значимости она весьма выделяется в кругу остальных книг.

Совершенно неожиданный поворот её сюжета связан с образом прекрасной Тахмины, дочери шаха соседнего государства. Случай занёс Рустама туда, где все поголовно наслышаны о его подвигах. После пира, данного в честь столь именитого гостя, его отводят в покои, и среди ночи к нему является Тахмина. Поэт не жалеет слов, чтобы нарисовать портрет этой красавицы из красавиц.

*Как солнце дня, светла была она.
Два лука – брови, косы – два аркана,
В подлунной не было стройнее стана...
Как роза с сахаром – её уста:
Жемчужин полон ларчик нежный рта...
Безгрешна телом, мудрая душой –
Она казалась пери неземной.*

И за много столетий до пушкинской Татьяны царевна первой объясняется в любви богатырю-иноземцу, объясняя свой поступок тем, что «с младенчества она о нём узнала» и всегда с волнением сердца слушала

рассказы о его деяниях. Вот почему, когда Рустам волей судьбы оказался в их краях, она отважилась прийти к нему сама, чтобы сказать –

*«Во-первых: вся я так полна тобой,
Что страсть моя затмила разум мой.
И во-вторых: прошу я – дай мне сына,
Такого же, как сам ты, исполина.
Пусть будет храбр он и силен, как ты,
И счастьем так же вознесён, как ты».*

Тут же играют свадьбу, и желание Тахмины исполняется. Фирдоуси с чрезвычайной деликатностью и поэтичностью поведал о брачной ночи.

*Когда царевна с ним уединилась,
Сказал бы ты, что ночь недолго длилась.
Обильною росой напоён –
В ночи раскрылся розовый бутон.
В жемчужницу по капле дождь струился,
И в раковине жемчуг появился.
Ещё ночная не редела мгла,
Во чреве эта пери понесла.*

Рустам возвращается к себе на родину, а Тахмина воспитывает желанного сына Сухраба (существует и транскрипция *Сохраб*). И так уж получается, что зная о нём и радуясь ему, отец не увидел сына до роковой схватки.

* * *

В книге «Рустам и Сухраб» тема богатырства претворена как нечто донельзя чрезвычайное. Причём особый эффект состоит в том, что это чрезвычайное предстаёт как убеждающе реальное, и гиперболизм в обрисовке двух исполинов совершенно лишён какого-либо фантастического антуража.

Рядом с ними называется немало других богатырей, но при всех своих достоинствах они безусловно меркнут в сравнении с главными героями. Равные по силе Рустам и Сухраб – именно исполины, в облике которых планка богатырства поднята на невероятную высоту.

О Рустаме читающий «Шахнаме» уже многое знает по предыдущим книгам, однако автор находит всё новые краски и эпитеты, чтобы живописать его несравненное могущество. Здесь обрисовка героя начинается с охоты на онагров (онагр – дикий осёл, кулан; в средневековом Иране среди знати было принято охотиться на этих животных). Закончив охоту, Рустам готовит себе ужин.

*Ствол дерева сломил Слоновотелый,
Огромный вертел вытесал умело.
И, насадив онагра целиком
На вертел тот, изжарил над костром.
И разорвал, и съел всего онагра.*

Тахмина, рассказывая сыну о Рустаме, утверждает: «*От первых дней не создавал Творец // Такого витязя, как твой отец. // Он сердцем – лев, слону подобен силой*». Его сподвижники восклицают: «*О лев, бесстрашно смелый! // Что без тебя мы все, Железотелый?*». Шаханшах в ситуации грозящей опасности со всей восточной велеречивостью подтверждает величие Рустама.

*Ты – столп страны, источник вечных сил,
Ты – мощь, и сердце, и хребет Ирана!
Ты – в подвигах великих неустанный...
Превыше снежных гор твоя глава.
Ты – щит Ирана, светоч Божества.
Как море, о тебе шумит молва.
И счастье шахское не потускнеет,
Пока Рустам своим мечом владеет.*

Под стать величайшему богатырю его конь по кличке Рахш (Блестящий), и окружающие признают, что «*таких, как Рахш во всей вселенной нет коней*». И когда повзрослевший сын Рустама готовится выступить в военный поход, его главной заботой стал выбор подходящего скакуна.

*Теперь мне нужен богатырский конь,
Стальнокопытный, ярый, как огонь.
Чтобы за ним и сокол не угнался,
Чтоб силой он своей слону равнялся.*

И такой «чудо-конь» отыскался – то был именно единственный «*потомок Рахша*». Что касается самого Сухраба, то он с малолетства не уступал своему отцу.

*Был через месяц сын, как годовалый:
Грудь широка, как у Рустама, стала.
Он в десять лет таким могучим был,
Что с ним на бой никто не выходил.
На всём скаку степных коней хватал он,
За гриву их рукой своей держал он.*

Достигнув зрелости, «огромен был Сухраб, как мощный слон... подобны конским бёдрам руки были... схож с могучим львом». Вельможа, увидевший его в бою, докладывал шаханшаху:

*«... ростом он невиданно огромен
И силой исполинской наделён.
Его, как дуб индийский, крепок стан...
Подобных в мире нет богатырей...
Быть может, равен лишь Рустам ему».*

Ещё будучи отроком, но сознавая свои возможности, Сухраб вознамерился завоевать Иран, где вместо жалкого и лживого венценосца сделать шахом отца, а мать – царицей, себе же отвоевать соседнюю страну, где правил коварный властитель, от которого исходило много бедствий. Он жаждет сделать это, «чтобы путь открыть добру», горделиво заявляя:

*«Лишь я и мой прославленный отец
Достойны на земле носить венец.
Когда два солнца в мире заблестало,
Носить короны звёздам не пристало!»*

* * *

Кульминацией рассматриваемой книги и воинского эпоса вообще, каким он представлен в «Шахнаме», становится ристалище, главными участниками которого оказываются Сухраб и Рустам. Но прежде – первый из них устраивает полчищам иранского шаха настоящее побоище.

*Он встал и препоясался на бой,
Снял с головы венец свой золотой.
Надел взамен индийский шлем булатный,
Облёт могучий стан кольчугой ратной.
Взял меч, копье и палицу свою,
Как тяжкий гром разящую в бою.
От ярости и гнева весь кипел он,
На скакуна играющего сел он
И, кажущийся мчащейся горой,
Как опьянённый слон, помчался в бой.
Пыль до луны, как облако, вс клубил он –
Ворвался в средоточье вражеских сил он.
Как стадо ланей перед ярым львом,
Войска бежали пред богатырём.
Бежали храбрые пред закалённым
Копьём, в скопленье войска устремлённым.
Щит поникал, роняла меч рука –
Страх обуял иранские войска.*

Гибнущему войску на помощь спешит Рустам. И, согласно законам эпической поэзии, в три дня подряд следуют его три боя с Сухрабом, в продолжение которых оба не знают, что они отец и сын. Вот как живописуется начало их первого боя, который они задумали провести как поединок, в стороне от войск.

*Так в степь они решили отдалиться,
И на коротких копьях стали биться.
Разбились в щепки древки копий их.
Налево повернув коней своих,
Индийские мечи герои взяли
И шибились. Искры сыпались из стали.
Казалось, в мире Судный день настал,
Так пламень их мечей во мгле блистал.
Мечи их зазубрились, искрошились.
За палицы тогда они схватились
И шибились снова яростней судьбы.
Заржав, их кони встали на дыбы,*

*Заржали страшно в бешеном испуге,
Разорвались на витязях кольчуги.
Сломались палицы у них в руках,
Рассыпались доспехи на конях.
По телу кровь лилась. Так шибились дважды,
Их языки потрескались от жажды...*

Они равны в своей мощи и силе, но Рустам уже в годах, и Сухраб, будучи юным и пылким, начинает одерживать верх. Подвело его именно то, что «чист был душою Сухраб, добросердечен» и был он человеком высокого благородства. Великий воин своей статью внушил Сухрабу невольную приязнь к себе, и тот мучается не дающим ему покоя вопросом, решая который, опять-таки проявляет благородство духа.

*Поистине – он, как Рустам, на вид.
Уж не отец ли мой мне предстоит?
Томлюсь я тяжкой мукой и не знаю –
Не на отца ли руку подымаю?*

*Как буду жить я? Как перед Творцом
Предстану с чёрным от греха лицом?
Нет, и под страхом смертного конца
Не подыму я руку на отца!*

Из тех же благородных побуждений он предлагает Рустаму перед вторым боем мир и дружбу, что старый воитель, верный своему долгу, категорически отвергает. На закате этого дня Сухраб повергает Рустама наземь и заносит над ним кинжал. И тот идёт на обман, рассказывая небылицу о якобы существующем воинском уговоре, что врага нужно одолеть дважды и только тогда умертвить.

*Вот так, чтоб в этот раз освободиться,
Решил Рустам премудрый ухитриться.
Хотел он из драконьих лап уйти
И голову от гибели спасти.
Сухраб могучий, с богатырским телом,
Был ещё отрок с разумом незрелым.
Поверил он неверным тем словам –
Он думал, что не может лгать Рустам.*

Вот когда обнаруживается отличие в характерах отца и сына: безусловное благородство второго и изъян в этом отношении у первого. Изъян этот подтвердится в будущем ещё раз: победы над Исфандиаром он добьётся благодаря чародейству. Нечто подобное происходит и теперь.

В ночь перед третьим боем Рустам молит небеса вернуть ему то, от чего он отказался в молодости, когда его слишком тяготила подаренная ему Творцом столь невероятная мощь, что «если он на камень наступал, // То ногу в камень тяжело погружал». К Рустаму возвращается прежняя сила и в последний день поединка ему удалось повергнуть Сухраба, после чего он вонзил в него смертоносный кинжал.

Умирающий юноша сожалеет только о том, что так и не повидал отца. И он показывает тот талисман, который Рустам прислал из своего далёка на рождение сына, после чего следует горестный эпилог повествования.

* * *

Автор с самого начала предупреждал о трагическом завершении этой истории, адресуя ноту открытого сострадания её главным героям: «Рассказ о них, омытый влагой глаз, // Печалью сердце наполняет в нас». Этим словам соответствует исключительная сила драматических переживаний финала книги. Безмерно горе Рустама, который во всём происшедшем винит только себя.

*«Я страшное злодеяние совершил!
Беду такую снести не хватит сил...
Я поразил единственного сына,
Убил я молодого исполина,
Дитя своё убил на склоне лет,
Мне утешенья в этом мире нет!»*

И всё-таки ему сил «беду такую снести» хватило. После гибели сына, так омрачившей существование великого богатыря, он продолжил свершать свои подвиги на благо Ирана. Иное дело – прекрасная Тахмина, для которой смерть сына означала конец всему.

*Она рвала одежды в исступленье.
Бушующая, как небесная гроза,
Не слёзы – лили кровь её глаза.
Она вопила в муке, и стонала,*

*И волосы с корнями вырывала...
Едва лишь год и прожила она,
И умерла, тоски снести не в силах...*

Наметив прямую, как стрела, траекторию движения основного сюжета книги «Рустам и Сухраб», следует признать, что эта чрезвычайно развёрнутая по объёму поэма содержит множество разного рода ответвлений, побочных перипетий и мотивов общей фабулы.

К примеру, одним из таких отстранений становится рассказ о вспыхнувшей в груди юного Сухраба любви к своенравной девушке-богатырше Гурдафарид (дословно *Рождённая богатырями*).

*Как витязя, влекла её война.
Отцов-богатырей была в ней сила,
Она в боях мужей копьём разила...
Ловка была она, не знала страха.*

И Сухрабу в единоборстве нелегко удалось одолеть её, а затем также нелегко отринуть своё чувство ради служения поставленной цели.

Или ещё один крупный сюжетный узел – ссора Рустама с шаханшахом, в ходе которой исполин напоминает властителю Ирана, насколько, по сути, он значимее для страны, насколько несопоставимы их личности и насколько тот обязан ему своим пребыванием на троне.

Так что целое складывается в подлинный роман большого дыхания, масштабнейшего размаха событий и многогранности обрисованных характеров. Его внутренним смыслом становится идея предопределённости.

То здесь, то там в повествовании мелькают краткие философские сентенции типа *«Всё совершится, как предreshено, // Что от рожденья нам судьбой дано»*. Или столь же отчётливо при всей внешней вопрошательности преподнесения эта мысль подаётся следующим образом.

*Что в мире смертного произволенье,
Где всё предначертало провиденье,
Где тайным всё венчается концом,
Заранее решённое Творцом?*

Многомудрые, узнав о безвременной гибели Сухраба, вопрошают: *«То не перст ли провиденья?»*. Сам умирающий юноша, видя невероятные страдания отца, убившего по неведению, призывает его к мужеству, убеждая в неизбежности того, что произошло.

*«Увы!» – Рустам, стена, говорил,
Рвал волосы и кровь, не слёзы, лил.
Сказал Сухраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слёзы лить напрасно?
Зачем ты убиваешь сам себя,
Что в этом для меня и для тебя?
Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться!..»*

На что же нацелена здесь эта предопределённость и в чём конечный смысл столь драматической истории? Похоже, что один из законов природы состоит в следующем: уникальное должно быть безусловно уникальным и потому не может иметь повторений.

Сверхбогатырь Рустам призван был остаться для мифологического бытия единственным в своём роде. В лице Сухраба род людской попытался воспроизвести нечто подобное, но высшие силы воспротивились этому. На сей счёт при всей своей корысти державного властителя шаханшах справедливо отмечает, что был бы *«Нам тесен мир с двумя богатырями»*.

Карающей рукой Рустама в данном случае вела его гордыня. Из тщеславия он не мог допустить победы над собой некоего юнца – пошёл на хитрость и неправым путём добился своего, но обрёл себя на вечные муки.

И, кстати, небо менее всего озабочено тем, что Сухраб являет собой абсолютное благородство, а Рустам унижает своё достоинство обманом. Из своих «высших соображений» оно помогает именно второму.

В некотором роде гордыня обуяла и Тахмину – ведь она вознамерилась родить богатыря, подобного Рустаму, за что наказана утратой сына и горем, которое вскоре свело её в могилу.

* * *

«Шахнаме» Фирдоуси среди творений мировой словесности Средневековья выситя недостижимой громадой. Этот плод неустанного 35-летнего труда великого поэта превосходит всё созданное в те времена необычайной широтой замысла, глубиной философско-этической концепции и совершенством художественного исполнения. Канонические формулы эпического стиля органично сочетаются здесь с индивидуально-авторскими характеристиками.

Автор отнюдь не стремится к самоценной «поэтичности» изложения, поскольку во главу угла ставит тщательность воссоздания огромной исторической хроники. Тем не менее, время от времени как бы невзначай он позволяет себе перлы метафоры.

Так, в приближении к развязке драматических событий книги «Рустам и Сухраб» пробуждение дня накануне последней схватки двух исполинов обозначено изысканным иносказанием: *«Лишь, грифу ночи разорвавши горло, // Над миром солнце крылья распростёрло...»*.

Столь же изредка поэт позволяет себе набросать пейзажную картину, выказывая при этом поразительное мастерство и всякий раз наполняя её психологическими обертонами.

*Покрыла ночь лицо своё смолой,
Сатурн, Меркурий, Марс оделись мглой.*

*Луна как будто собралась в дорогу,
Но, двигаясь по своему чертогу,*

*Увидела: вселенная темна –
Ей стало страшно, съёжилась она,*

*Почти погас венец её державы –
И стынет воздух но́чи, пыльный, ржавый.*

*Ночь, двинув войско, с пологом пришла,
Что был черней вороньего крыла.*

*Как сталь, заржа́вел свод небес просторный,
Лицо измазал он смолою чёрной.*

*Для жизни сил у солнца не осталось,
Небесный свод почувствовал усталость.*

*Казалось, в сон земля погружена,
Над ней шатром восходит тишина.*

*Не свищет птица и не воеет зверь,
Добро и зло немотствуют теперь.*

*Не видно ни подъёма, ни обрыва,
На сердце от бездействия тоскливо.*

Более щедр Фирдоуси на красочные описания, причём обращает на себя внимание многообразие этой красочности. Пожалуй, кульминацию данного качества находим в большом эпизоде книги «Рустам и Сухраб», где юный богатырь расспрашивает о простирающихся вдаль ставках предводителей иранского воинства, наблюдая роскошные шатры разного цвета: чёрный, багряный, изумрудный, белый, жёлтый, зелёный. Вот первый из его вопросов.

*«Чей там шатёр стоит, парчой блистая,
Полами холм высокий осеняя?
Сто боевых слонов пред ним. Смотри –
Синеет бирюзовый трон внутри.
Над ним сверкает жёлтое, как пламя,
Серпом луны украшенное знамя.
Чья это ставка, что простёрлась вишь
Так царственно? Кто этот богатырь?»*

В заключительных строках своей эпопеи величайший поэт Ирана, зная, что её всюду читают и уже чтят её автора, уверенно изрекает: *«Я не умру вовек! Жить буду снова // Во восходах мной посеянного слова»*. И действительно, его грандиозный труд, вобрав в себя все основные пласты национального эпоса персов и таджиков, обрёл бессмертие, оказал огромное влияние на литературы Востока, в том числе вызвав многочисленные подражания.